

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ КАКЪ ВЫСШЕЕ БЛАГО.

Если Богообщеніе дано человѣку при самомъ его созда- *Нравствен-*
ніи, если то высшее благо, которое должно быть послѣд- *ное предна-*
нею цѣлью всей жизни человѣка (притомъ безконечной *значеніе со-*
продолжительности), оказывается позади его, оказывается *твореннаго*
даннымъ человѣку прежде всякаго его стремленія къ Нему; *человѣка; не-*
то въ чемъ тогда задача человѣка, въ чемъ вообще его *обходимость*
нравственная жизнь? Не будетъ ли тогда человѣкъ обре-
ченъ на полное бездѣйствіе и на произвольную добро-
дѣтель? Такъ и хотѣлось бы сдѣлать всѣмъ, кто возражалъ
противъ первозаповѣди Божіей и вообще противъ всего
домостроительства Божія о человѣкѣ. Людямъ казалось, что
человѣкъ будетъ гораздо блаженнѣе, если ему не придется
заботиться о себѣ, если всѣ процессы его нравственной
жизни будутъ совершаться такъ же произвольно и, слѣ-
довательно, правильно, какъ совершались бы въ нормаль-
номъ состояніи его физическіе процессы. Но возражатели
позабывали подумать, въ чемъ состоитъ блаженство *нор-*
мальнаго человѣка или, другими словами, къ какому бла-
женству насъ призвалъ Богъ, — къ эвдемоническому ли,
въ которомъ видить свое счастье человѣкъ эмпирической,
грѣховный? Богъ призвалъ человѣка къ блаженству свято-
сти, къ блаженству добродѣланія. А это послѣднее, ко-
нечно, немислимо, если оно произвольно. Быть животню
довольнымъ человѣкъ можетъ и безъ усилій воли, и даже
скорѣе достигнетъ довольства безъ нихъ, — но быть бла-
женнымъ въ Богѣ человѣкъ безъ самопроизвольнаго напря-
женія не можетъ. Даже высшія степени созерцанія, гдѣ

человѣкъ испытываетъ верхъ блаженства, бываютъ состояніемъ совершенно пассивнымъ только у буддійскихъ аскетовъ (да и то скорѣе безпредметнымъ, чѣмъ пассивнымъ, потому что умъ удерживается отъ мыслей активно) — а не у христіанскихъ подвижниковъ, у которыхъ созерцаніе всегда бываетъ *молитвой*, т. е. возношеніемъ ума и сердца къ Богу, самопроизвольнымъ стремленіемъ къ живому Богу, — пассивность же развѣ только въ томъ, что безъ благодатной помощи человѣкъ не вознесся бы на такую высоту, на которую онъ возносится. Слѣдовательно, немыслимо представить себѣ христіанское блаженство состояніемъ непроизвольнымъ и неподвижнымъ, это лишило бы жизнь вѣчную того, что дѣлаетъ ее жизнію. Человѣкъ введенъ былъ въ рай для того, чтобы дѣлать и хранить его. „(Въ раю, т. е. въ небесной жизни) поставилъ Богъ человѣка, чтобы онъ былъ неослабнымъ дѣлателемъ Божіихъ словесъ“ (Григорій Богословъ. IV, 244).

Задача первозданнаго, т. е. нормальнаго человѣка была, такимъ образомъ, въ безконечномъ усовершеніи полученнаго имъ незаслуженно дара. Жизнь вѣчная должна состоять въ безконечномъ нравственномъ прогрессѣ человѣка по пути къ Богоподобию. Мы говоримъ, что вѣчная жизнь есть, во-первыхъ Богознаніе, во-вторыхъ Богоподобіе и въ третьихъ Богообщеніе. Познать Бога значитъ познать, что онъ любовь, познать, что онъ безъ всякаго повода съ моей стороны возлюбилъ меня до того, что Онъ — безконечный и самодовлѣющій является какъ-бы нуждающимся въ моемъ общеніи съ Нимъ, какъ-бы жаждетъ моей любви. Но познать такого Бога—это для чистаго человѣка значитъ загорѣться любовью къ Богу, любовью насколько возможно совершенной, доходящей до самозабвенія, — это, говоря формально, значитъ уподобиться Богу, стать тождественнымъ съ нимъ по настроенію. (Богъ—любовь и человѣкъ дѣлается любовью). А возлюбить Бога значитъ вступить или, — такъ какъ это дается само собою помимо даже нашего желанія, — значитъ произвольно воспринять то Богообщеніе, къ которому Онъ насъ призываетъ. Нравственный же прогрессъ послѣ этого будетъ въ постепенномъ усовершеніи этой любви. Сначала, задачей человѣка было бы, конечно, возвести его естественную любовь къ Богу, которая сама

собою зародилась въ немъ въ отвѣтъ на любовь Божию къ нему, — привести эту любовь на степень произвольнаго подвига, на степень жертвы Богу, потому-что только *въ жертвѣ* — любовь; безъ жертвы же много-много сочувствіе.

Такъ, дѣйствительно, и было, какъ даетъ видѣть опять библейскій рассказъ о жизни первозданнаго человѣка въ раю. То, что должно было особенно останавливать на себѣ вниманіе Адама, это были два дерева: дерево жизни посреди рая и дерево познанія добра и зла. Дерево жизни, появившееся лишь мелькомъ въ началѣ книги Бытія, совершенно потомъ пропадаетъ изъ исторіи человѣчества и возвращается ему только въ новомъ Іерусалимѣ, въ царствѣ небесномъ, гдѣ оно будетъ тоже посреди и тоже будетъ источникомъ безконечной жизни для людей, — „листъ его во исцѣленіе языкомъ“. Эта тождественность образовъ и подтверждаетъ мысль, что жизнь въ раю и есть собственно та вѣчная жизнь, къ которой мы снова призваны Христомъ. („Черезъ воскресеніе Христа“), говоритъ Святый Кириллъ Александрійскій, „мы перешли къ обновленію, получивъ, какъ бы въ видѣ залога, Духа благодати и несомнѣнную надежду на нетлѣнную жизнь, въ блаженствѣ и освященіи преобразуясь *въ первоначальное состояніе* и, какъ бы въ *обратномъ* шествіи своемъ, сообразуясь вѣку будущему“ (т. III, 292). Таже мысль выражается, напримѣръ, у Макарія Египетскаго и у многихъ другихъ. Итакъ, древо жизни было источникомъ жизни для первозданнаго человѣка. Это древо было, конечно, выражаясь словами Митрополита Филарета, лишь „величественнымъ образованіемъ (т. е. образомъ) благодатной жизни въ Богѣ“. (Записки на Быт. т. I, 41). У человѣка было много другихъ средствъ поддерживать жизнь, цѣлый рай, гдѣ проявлялась его *самодѣятельность*, былъ предоставленъ въ его полное распоряженіе. Но это древо посреди рая учило человѣка, что какъ бы ни были богаты его силы и средства, какъ бы ни было заманчиво и повидимому прочно его самостоятельное бытіе, — въ себѣ самомъ и посредствомъ своихъ силъ человѣкъ никогда не найдетъ той вѣчной жизни, къ которой призывалъ его Богъ, — что эта жизнь только въ Богѣ и въ общеніи съ Нимъ. Это, съ одной стороны, давало человѣку постоянное увѣреніе въ истинности его образа жизни, а, съ другой, возвышало еще болѣе Любовь

Божію въ глазахъ человѣка: отсюда онъ могъ постигнуть, что только Любовь и одна только она могла заставить Бога излить столько благодѣній на человѣка, потому-что нуждается не Богъ въ человѣкѣ, а человѣкъ въ Богѣ. Смыслъ заповѣди Божіей о второмъ деревѣ еще болѣе ясенъ. „Отъ всякаго древа еже въ раи смѣдию смѣси“ (Быт. 2, 16), — какъ существо тѣлесное, ты нуждаешься въ пищѣ и проч. для тѣла, въ этомъ можешь находить свое относительное счастье, — но... „отъ древа еже разумѣти доброе и лукавое не смѣсте отъ него“ (17) знай, что есть предѣлъ твоимъ заботамъ о себѣ и своемъ тѣлѣ, такой предѣлъ, переступивъ который прямо вмѣсто жизни обречешь себя на смерть: заповѣдь эта, какъ видимъ, справедливо названа Тертуліаномъ „правиломъ воздержанія“ („Скорпіакъ“. Сочиненій т. IV, 213) ¹⁾. Она требовала отъ человѣка прямо жертвы своими чувственными потребностями (въ извѣстной мѣрѣ). Для чего же эта жертва? Очевидно для души, которая не могла въ питаніи находить блаженства и находила его только въ Богѣ. „Поелику, какъ гадаю самъ, говорить Св. Григорій Богословъ, и какъ слышу отъ мудрыхъ, душа есть Божественная нѣкая струя, и приходитъ къ намъ свыше или вся, или властитель и правитель ея умъ: то у ней одно дѣло единственно-естественное ей: *парить горь*, вступать въ общеніе съ Богомъ, непрестанно устремлять взоръ къ сродному, какъ можно менѣе поработаясь немощамъ тѣла; ибо тѣло и само стремится къ землѣ, и душу влечетъ долу, вводитъ ее въ это пріятное (т. е. прелестное) скитаніе по предметамъ видимымъ въ это омраченіе чувствъ, въ которомъ душа, не управляемая разумомъ, постепенно погружаясь, падаетъ все ниже и ниже“ (т. V, 123. Стихотв. о смиренномудріи). Такимъ образомъ, только повинуюсь душѣ и подчиняя ей тѣло, человѣкъ достигаетъ Богообщенія, котораго жаждетъ его душа. Итакъ, чего же требовала отъ человѣка заповѣдь Божія? Она требовала жертвъ потребностями тѣла въ пользу общенія съ Богомъ: — изъ желанія быть съ Богомъ, изъ любви къ Нему, человѣкъ позабывалъ жертвовать тѣломъ. Или: эта запо-

¹⁾ Вас. Вел. Бес. 1 о постѣ. „Сіе не смѣсте есть узаконеніе поста и воздержанія“. Т. IV, 7.

вѣдь требовала, чтобы человекъ, говоря словами Григорія Богосл. (тамъ же), прошедши (какъ не удовлетворяющія и ничтожныя) „всѣ завѣсы, всѣ нынѣшнія тѣни, всѣ здѣшнія гаданія, всѣ отраженія красоты въ зеркалахъ“, — однимъ словомъ, все конечное, преходящее, всякую утѣху своего конечнаго бытія, устремлялся „къ непокровенному благу, каково оно само въ себѣ“, и, „насыщенный свѣтомъ, котораго сподобиться желала (душа его), и возобладавъ тамъ высочайшею красою“, выше и кромѣ этого не желалъ бы уже ничего, никакого особаго личнаго счастья, на этомъ бы и „прекратилъ свои скитанія“ за благомъ. Другими словами, заповѣдь требовала, чтобы человекъ привелъ матерію на служеніе своему духу, и это потому, что конецъ его стремленій, центръ бытія не въ немъ самомъ, а въ Богѣ, къ которому стремится его духъ, — и слѣд. онъ отрекался отъ своей самости, отъ своей воли въ пользу воли Божіей. „Какъ какой-нибудь щедрый Господинъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, ввѣряетъ кому-нибудь свой огромный домъ и, однакожъ, чтобы владѣніе этимъ домомъ оставить вполнѣ за собою, назначаетъ брать съ того человекъ малое количество денегъ: такъ и человекълюбивый Господь нашъ, позволивъ Адаму пользоваться всѣми древами райскими, повелѣлъ воздерживаться только отъ одного, чтобы зналъ онъ, что находится подъ Господемъ, Кому долженъ повиноваться и исполнять Его повелѣнія (Быт. Бес. XIV, т. I, 222—223), — т. е. чтобы понялъ, что истинная его жизнь не въ самоволи и самостоятельности, а „подъ Господемъ“, въ общеніи съ Богомъ, въ царствѣ Божіемъ. Такимъ обр., то и другое древо приводило человекъ къ тому-же самому: 1) признанію своей зависимости отъ Бога, а отсюда 2) къ сознанию безграничной Божіей любви и 3) къ положенію центра своего бытія не въ себѣ, а въ Богѣ, приводило къ самоотреченію изъ любви къ Богу. Разница въ томъ, что древо жизни учило путемъ положительнымъ и низлагало главнымъ образомъ *гордость* (одинъ видъ эгоизма), а второе древо путемъ отрицательнымъ и поражало *чувственность*. Но въ первомъ и второмъ положительный результатъ одинъ: жертва Богу собой, своей самостію.

Итакъ, повторяемъ, нравственное возрастаніе въ жизни вѣчной имѣетъ своимъ предметомъ постепенное усовершенство-

нiе человѣка въ любви къ Богу; первая ступень ея заключается въ *жертву*. Нужно однако здѣсь замѣтить, что слово это для человѣка нормальнаго, еще неизвѣдавшаго эгоизма, еще непытавшагося жить *для себя*, слово это, говоримъ, не могло имѣть того смысла, какой оно имѣетъ теперь для насъ. Мы съ этимъ словомъ соединяемъ представленiе о нѣкоторой потерѣ, о нѣкоторомъ, поэтому, страданiи, принужденiи себя и т. п. Отсюда и любовь, понимаемая въ смыслѣ жертвы, можетъ иногда предноситься сознанию въ качествѣ лишь внѣшней заповѣди, или лишь умственнаго вывода, принудительно обязывающаго волю. Ничего такого, конечно, нельзя предполагать въ человѣкѣ нормальномъ. Любовь къ Богу была для него совершенно естественной стихiей, непремѣннымъ требованiемъ его природы, какъ бытiя конечнаго, только въ союзѣ съ безконечнымъ получающаго свое оправданiе. Любовь эта, говоря опредѣленнѣе, была необходима ему, какъ ему необходимо было созерцанiе вѣчной красоты, обладанiе безусловной истиной, сознание вѣчной правды,—къ этому естественно стремилась его душа и все это было въ Богѣ. По самой природѣ своей не могъ человѣкъ не любить Бога. „Любовь къ Богу, учить Св. Василiй В., не есть что-либо ученiемъ приобретаемое. Ибо не у другаго учились мы восхищаться свѣтомъ, быть привязанными къ жизни; не другой кто училъ насъ любить родителей, или воспитателей. Такъ, или еще болѣе, невозможно отънѣ научиться любви Божiей, но вмѣстѣ съ устройствомъ живаго существа, разумѣю человѣка, вложено въ насъ нѣкоторое прирожденное стремленiе (*λόγος πλεγματικός*), въ себѣ самомъ заключающее побужденiе къ общей любви“. Но этого мало. Самъ по себѣ вожделѣнный для человѣка Богъ сверхъ всего этого пришелъ на встрѣчу человѣку: далъ ему бытiе, окружилъ его всѣми благами творенiя и, что всего выше, даровалъ ему вѣчное, безконечное благо: Любовь свою, общенiе съ Собой. Это придавало естественному чувству любви къ Богу, какъ идеалу всего добраго, характеръ и видъ любви къ благодѣтелю (такая любовь не предполагаетъ прямо общенiя жизненнаго), любви тѣсной, тѣмъ болѣе совершенной и чистой, чѣмъ чище и совершеннѣе былъ человѣкъ первозданный. Не могла, слѣд., и требовавшаяся отъ человѣка жертва принять

для него видъ внѣшней, неизбѣжной необходимости, сопряженной съ потерей, жалѣніемъ и пр., а была естественнымъ выраженіемъ въ дѣйствіи, въ волѣ и умѣ того, къ чему уже и безъ этого стремилась вся природа человѣка, чѣмъ жило его сердце. Какъ свободный, человѣкъ, подѣ известнымъ воздѣйствіемъ, могъ, конечно, поступить и вопреки этой своей природѣ, какъ онъ и поступилъ дѣйствительно. Но это и была лишь голая возможность, не имѣвшая покуда себѣ основанія внутри человѣка, возможность чисто формальная, внѣшняя, —отказаться отъ этой возможности не могло, слѣдов., составлять труда или лишения для человѣка. Поэтому и заповѣдь Божія о воздержаніи можетъ казаться нѣкоторымъ искушеніемъ лишь для насъ, лишь для людей, уже проникнутыхъ эгоизмомъ: какъ всякое искушеніе на нашу самостоятельность, на наши желанія, эта заповѣдь сама собою вызываетъ въ насъ нѣкоторую реакцію, самостоятельность, отчего запрещенный плодъ и кажется намъ особенно сладкимъ. Но это потому, что вниманіе наше обращено *къ себѣ*, а не *къ Богу*. Не могла, слѣд., подобная реакція имѣть мѣсто у человѣка нормального, еще не уклонившагося отъ своего призванія въ эгоизмъ. Для него заповѣдь Божія была лишь средствомъ, пособіемъ, при помощи котораго его естественная любовь къ Богу должна была взойти на степень сознательнаго предпочтенія Бога всему, что только могло окружать и манить къ себѣ человѣка, —свое естественное стремленіе и любовь къ Богу, какъ высшему благу, человѣкъ, так. обр., лишь усиливалъ отрицаніемъ всего, что могло такъ или иначе претендовать на значеніе блага. Итакъ, и жертва собой, своимъ конечнымъ бытіемъ въ пользу Бога не измѣнила дѣла: человѣкъ все по прежнему стремился къ Богу извнутри, стремился своимъ сердцемъ, — любилъ Его не какъ только своего Владыку, которому онъ обязанъ подчиняться, но прежде всего, какъ Отца, какъ предметъ самыхъ крайнихъ своихъ желаній, лучше и дороже котораго человѣкъ уже не находилъ.—Изъ сказаннаго ясно, что любовь къ Богу, которая составляла сущность жизни первозданнаго человѣка, а слѣдовательно и сущность жизни вѣчной, къ которой мы стремимся,—не можетъ быть лишь вольнымъ актомъ, основаннымъ на сознаніи необходимости или должности этой любви,

*Точнѣйшее
изъясненіе
любви къ Богу,
какъ со-
держанія вѣ-
чной жизни:
любовь есть
чувство.*

а непремѣнно должна быть дѣломъ всей души, должна быть *чувствомъ*. Какъ именно чувство, любовь, на высшихъ степеняхъ своей интенсивности, имѣетъ возможность занимать господствующее положеніе въ душѣ человѣка, окрашиваетъ и приводитъ къ одному уровню каждое самое ничтожное ея движеніе, можетъ совершенно охватывать собою душу и увлекать ее съ силой неудержимаго стремленія. Такъ именно и описывается въ Свящ. Писаніи и у Отцовъ Церкви. Любовь къ Богу, говоритъ, напр., предподоб. Исаакъ Сиринъ, естественно горяча, а когда нападаетъ на кого безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною (стр. 363).

Сердце ощутившаго любовь сію не можетъ вмѣщать и выносить ея („не можетъ“, т. е. эта любовь оказывается безъ послѣдствій для внутренняго и вѣшняго устройства человѣка), но, по мѣрѣ нашедшей на него любви, усматривается въ немъ необычайное измѣненіе. И вотъ ощутительные признаки сея любви: лице у человѣка дѣлается огненнымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаетъ отъ него страхъ и стыдъ, и дѣлается онъ какъ бы восторженнымъ. Сила, собирающая во едино умъ, бѣжитъ отъ него и бываетъ онъ какъ-бы *изумленнымъ*. Страшную смерть почитаетъ радостію, созерцаніе ума его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія въ помысленіи о небесномъ. И въ отсутствіи, незримый никѣмъ, бесѣдуетъ, какъ присутствующій. Вѣдѣніе и видѣніе его естественное переходятъ, и не ощущаетъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами; потому-что хотя и дѣлаетъ что, но совершенно того не чувствуетъ; такъ какъ умъ паритъ въ созерцаніи, и мысль его какъ бы всегда бесѣдуетъ съ кѣмъ другимъ.

Симъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда Апостолы и мученики. И одни весь міръ обошли, трудясь и терпя поношенія, а другіе изъ усѣченныхъ членовъ своихъ изливали кровь, какъ воду; въ ужасныхъ страданіяхъ не малодушествовали, но претерпѣвали ихъ доблестно; и бывъ мудрыми, признаны несмысленными. Иные же скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ и въ нестроеніяхъ были самые благоустроенные“ (стр. 363—364). Изъ этого описанія любви видно, что это не расчетъ только,—что человѣкъ предпочитаетъ все въ

міръ Богу не потому, что онъ ясно сознаетъ необходимость такого предпочтенія или выгодность его для себя, желаетъ получить больше взамѣнъ меньшаго. Любовь это есть отвѣтъ *Возлюбившему*, есть движеніе сердца на встрѣчу и въ благодарность любви Божіей. „*Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей*“ и это потому, что все это препобѣждается „*силою Возлюбившаго насъ*“. (Римл. 8. 37. 38). Любовь Божія, слѣд., не холодный расчетъ и не сознаніе долга, а стремленіе души къ союзу съ Богомъ, стремленіе, выходящее изъ самой сущности ея и укрѣпляемое сознаніемъ взаимной и незаслуженной любви Божіей. Этимъ-то свойствомъ истинной любви и объясняется постоянно встрѣчающееся въ Св. Писаніи и отеческой литературѣ, на взглядъ ветхаго человѣка пожалуй даже нѣсколько соблазнительное, сопоставленіе или сравненіе любви къ Богу и общенія съ нимъ съ любовью матери къ дѣтямъ и наоборотъ и особенно съ любовію и общеніемъ плотскими. „Блаженъ, говоритъ Іоаннъ Лѣств.,— кто приобрѣлъ такую же любовь къ Богу, какую восторженный любитель имѣетъ къ своей возлюбленной. Кто истинно любитъ, тотъ непрестанно воображаетъ лице любимаго и съ удовольствіемъ объемлетъ его внутренно. Таковой не можетъ даже и во снѣ успокоиться отъ сильнаго желанія, но и въ это время занять мыслию о любимомъ. Такъ бываетъ въ природѣ тѣлесной; такъ бываетъ и въ природѣ безплотной. Нѣкій, уязвленный любовію, сказалъ о себѣ (чему удивляюсь): „*азъ сплю*“ по требованію природы, а *сердце мое бдитъ* (Пѣсн. II. 5, 2) по обилію любви (Ип. кн. 5, 2)... Елень—душа *желаетъ и скончается* (Пс. 88, 2) огнемъ любви ко Господу, какъ бы пораженная ядоносною стрѣлою“. Вспомнимъ кн. Пѣснь Пѣсней, кн. пр. Осіи и пр. и пр.,—и все это варіаціи на ту же тему: любовь Божія должна достигать силы и свойства любви плотской. Какъ эта послѣдняя не требованіе обстоятельствъ и не логическое заключеніе изъ понятія о томъ или другомъ человѣкѣ, а невольное и даже противовольное, побѣждающее природу влеченіе къ этому человѣку, влеченіе, заставляющее любителя забывать о себѣ, о своемъ благѣ, и ду-

мать только о возлюбленномъ и его благополучіи, — такою-же должна быть и наша любовь къ Богу: она должна быть такимъ же жажданіемъ Бога, такимъ же самозабвеніемъ или „*упоеніемъ души*“, какъ называетъ ее I. Лѣстничникъ. Такая-то любовь къ Богу и составляетъ сущность вѣчной жизни со стороны матеріальной; въ этой-то любви и заключается подобіе человѣка Богу, Который есть любовь по существу. Любовь изъ расчета, по желанію своей пользы или изъ сознанія долга, никогда не мож. быть названа такимъ подобіемъ по одному тому, что она есть нѣчто навязанное совнѣ и не самопричинное, — только любовь, какъ чувство, возникающее внутри человѣка, хотя и по поводу любви Божіей, можетъ быть истиннымъ подобіемъ любви самосущей. До тѣхъ поръ, какъ мы отличаемъ себя отъ Бога, пока заповѣдь о любви остается для насъ заповѣдью, а не отзвукомъ, не формулой нашихъ сердечныхъ желаній, до тѣхъ поръ мы еще не причастны вѣчной жизни. Да это и понятно: мы тогда полагаемъ свое высшее благо все еще въ себѣ, а не въ Богѣ, — мы ищемъ Богообщенія все еще для какого-то особаго нашего счастья, для удовольствія, которое, какъ намъ кажется, только сопровождаетъ Богообщеніе, а не составляетъ лишь обратную сторону его. Блаженство Богообщенія, слѣд., какъ блаженство любви, непонятно, а безъ этого непонятна и вѣчная жизнь. Вотъ почему Ап. Павелъ и настаивалъ на необходимости имѣть, именно, любовь, а не дѣла любви, чтобы получить жизнь вѣчную. „*Если*, говоритъ онъ, *я роздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе* (высшая степень жертвы), — *а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы*“. Дѣла любви, до самопожертвованія включительно, могутъ, конечно, быть принудительными, совершаться съ мученіемъ и насиліемъ надъ собой, — любить же насильно никого не заставишь, въ томъ числѣ и себя, какъ говоритъ Св. Василій В.: „невозможно отвнѣ научиться любви Божіей“; любовь, слѣд., необходимо должна быть помимовольнымъ *чувствомъ*, чтобы достигъ ей того совершенства, которое дѣлаетъ ее основаніемъ и содержаніемъ вѣчной жизни. Этимъ, конечно, мы не отрицаемъ того факта, что для эмпирическаго человѣка, живущаго въ грѣхѣ, въ эгоизмѣ, любовь къ Богу является чѣмъ то сверхъесте-

ственнымъ, почти недостижимымъ и достигаемымъ только при помощи благодати Божіей и путемъ мучительнѣйшихъ усилій надъ собой, путемъ креста. Мы говоримъ только о томъ, въ чемъ совершенство и истинныя качества христіанской любви.

И такъ, чтобы быть содержаніемъ и сущностію вѣчной жизни, любовь къ Богу должна быть не заповѣдью, а „упо-<sup>Любовь без-
конечно усо-
вершается.</sup> еніемъ души“, должна быть неотвратимымъ, охватывающимъ всего человѣка стремленіемъ его къ Богу, восторгомъ предъ Нимъ до самозабвенія. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, любовь и объяснитъ намъ тотъ безконечный нравственный прогрессъ, то вѣчное стремленіе къ идеалу, въ чемъ мы положили блаженство вѣчной жизни. Этотъ нравственный прогрессъ, послѣ всего сказаннаго будетъ состоять въ слѣдующемъ. Послѣ того какъ человѣкъ, естественно любящій Бога, пожертвуетъ всѣмъ остальнымъ ради Бога и этимъ укрѣпитъ свою любовь и возведетъ ее на степень сознательнаго состоянія, — дальнѣйшая жизнь его будетъ состоять въ постепенномъ усовершеніи этой своей любви, въ возвышеніи ея и уподобленіи Любви Божественной, безусловно безкорыстной и всесовершенной, которая и послужила прототипомъ человѣческой любви. Понятно послѣ этого, почему любовь называется у І. Лѣствичника „вѣчнымъ преспѣваніемъ“, почему она по апостолу „*никогдаже отпадаетъ*“. (І Кор. 13, 8) Даже наша человѣческая плотская любовь не знаетъ, какъ говорится, сытости, тѣмъ болѣе, никогда не можетъ найти конца любовь къ Богу, потому-что и самый предметъ ея безконеченъ, неисчерпаемъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ приближаться къ нему, тѣмъ болѣе этотъ послѣдній будетъ привлекать его, тѣмъ болѣе будетъ являться достойнымъ его любви. Всегда, слѣд., у человѣка останется возможность подниматься еще выше, полюбить Бога еще больше и черезъ это уподобиться ему еще ближе, отсюда опять полюбить его и т. д., и т. д. въ безконечность. Возрастаніе любви не знаетъ предѣловъ. „Любовь, говоритъ преподобный І. Лѣств., есть огненный источникъ: въ какой мѣрѣ источаетъ питіе, въ такой же мѣрѣ распаляетъ жаждущаго“. Но это постоянное стремленіе все впередъ и впередъ, безъ возможности когда-нибудь въ совершенствѣ постичь идеи, не будетъ и страда-

ніемъ, даже болѣе въ самомъ этомъ безконечномъ усовершеніи любви и заключается вѣчное блаженство. Вѣчное стремленіе къ высшему благу сопровождалось бы вѣчной неудовлетворенностію только тогда, когда благо это представлялось бы намъ эвдемонистическимъ, когда человѣкъ искалъ бы „своихъ-си“. Но идеаль нашъ есть Любовь, которая „своихъ-си“ не ищетъ, которая свое блаженство полагаетъ не въ себѣ самой, а въ возможности быть съ любимымъ и жертвовать для него собой. Каждый шагъ впередъ въ этомъ постепенномъ усовершеніи любви будетъ открывать человѣку не непостижимость идеала, а только ту простую истину, что онъ еще мало любитъ Бога, что Его нужно любить еще болѣе, а этимъ, слѣдовательно, открывается только возможность еще болѣе блаженствовать, чѣмъ прежде. „Божія любовь, говоритъ Св. Тихонъ Задонскій, безъ радости быть не можетъ. И сколько разъ человѣкъ чувствуетъ въ сердцѣ своемъ сладость любви Божіей, столько разъ радуется о Бозѣ. Любовь бо яко пресладкая добродѣтель безъ радости ощущаться не можетъ. Якоже медь услаждаетъ гортань нашу, когда вкушаемъ ея, тако увеселяетъ сердце наше любовь Божія, когда вкушаемъ и видимъ, яко благъ Господь“. (т. V, 216). Эту мысль мы и выражали въ свое время, говоря, что безконечный нравственный прогрессъ будетъ сопровождаться воспріятіемъ все новыхъ и новыхъ благъ. Итакъ *любовь къ Богу*, какъ всепроникающее чувство, какъ никогда неутомимая жажда, — вотъ та сила, которая приобщаетъ человѣка къ жизни самосущей, даруетъ ему безсмертіе, служа въ тоже время для него источникомъ безконечнаго блаженства въ жизни вѣчной.

*Любовь и
троичность
Божества.*

На этомъ и можно было-бы окончить наше разсужденіе о существѣ вѣчной жизни, если бы эта послѣдняя появилась въ мірѣ только съ появленіемъ человѣка, и была бы только удѣломъ одной человѣческой личности. Но Богъ есть любовь не потому одному, что Онъ возлюбилъ человѣка и все свое твореніемъ не потому, что Онъ вступаетъ въ союзъ любви со всякимъ разумно-нравственнымъ существомъ, — такая любовь слишкомъ ограничена и слишкомъ условна и временна, чтобы быть признакомъ и основнымъ свойствомъ Существа вѣчнаго и безусловнаго. Любовь Божія не можетъ быть обусловлена

бытіемъ человѣка и тварей, потому-что иначе она была бы только вѣчной потенціей, которая вѣчно искала бы своего осуществления и только съ появленіемъ конечнаго бытія нашла его,—а въ такомъ случаѣ Богъ не былъ бы и безусловнымъ Существомъ. Чтобы быть такимъ, Онъ долженъ быть Любовью отъ вѣчности дѣйственною, а не потенціальною,—Любовью отъ вѣчности дѣйствующею, а не желающею только дѣйствовать, но до времени ненаходящею себѣ объекта. Богъ, поэтому, Самъ по себѣ внутри Своего Существа есть Любовь, потому-что Онъ любитъ Самого Себя. Но эта любовь не можетъ быть тѣмъ неподвижнымъ, эгоистическимъ самодовлѣніемъ, услажденіемъ собственными совершенствами, какимъ она можетъ представляться и, дѣйствительно, представляется въ системахъ строгаго монотеизма (напр. въ магометанствѣ, ложномъ іудействѣ, въ деизмѣ и проч.),—правственный результатъ такихъ религій въ фарисействѣ, въ самоправедности, метафизическая же нелѣпность—въ невозможности объяснить появленіе міра. Любовь Божія не можетъ быть такимъ самодовлѣніемъ, потому-что Богъ есть Троица, и Любовь эта, поэтому, является реальнымъ, живымъ взаимообщеніемъ Трехъ Лиць, отъ вѣчности единыхъ по существу и отъ вѣчности самостоятельныхъ, не сводимыхъ одно на другое. Каждое Лицо необходимо отличаетъ себя отъ двухъ остальныхъ и въ тоже время необходимо признаетъ Ихъ неотдѣлимою частію своего собственнаго существа. Каждое изъ Нихъ не имѣетъ своей воли, своей славы, своей силы, для каждаго изъ Нихъ эта воля, слава и сила двухъ остальныхъ Лиць. „Снидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю Пославшаго Мя Отца“,—„Духъ Господень на Мя. Его же ради посла мя“,—„Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Мя“,—„Дѣла, яже Азъ творю о имени (т. е. силою) Отца“, „Духомъ Божіимъ изгоню бесы“ и проч. А съ другой стороны „вса Моя вса Твоя суть и Твоя Моя“,—Духъ Св. „отъ Моего приметъ“, ¹⁾ Онъ есть Духъ Сына, Духъ Христовъ. Все это, конечно, можно объяснить примѣнительно къ человѣчеству Иисуса Христа и Его мессіанскому служенію, но намъ думается, что человѣкъ Иисусъ

¹⁾ Иоаннъ 6, 38; 10, 25; 17, 10; 16, 14, и др.

потому и могъ говорить о волѣ Отца и Св. Духа, какъ о чемъ-то вѣшнемъ Ему, какъ о чемъ-то такомъ, чему Онъ добровольно подчиняется, — потому и могъ, что Онъ и по Божеству Своему сознавалъ эту волю не въ качествѣ Своего лишь личнаго хотѣнія, а въ качествѣ хотѣнія Отца и Св. Духа, съ Которыми хотя и былъ Онъ едино по существу, но отъ Которыхъ Онъ отличалъ себя, въ качествѣ подчиняющагося Имъ, въ качествѣ исполняющаго Ихъ волю, жертвующаго Собой для Нихъ. Подобно тому, какъ и Сыномъ Отца Онъ могъ назвать Себя по человѣчеству только потому, что Онъ и по Божеству стоитъ къ Нему въ сыновнихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ Богъ есть Любовь отъ вѣчности дѣятельная, потому-что въ самомъ единствѣ Троическаго Существа Божія заключается законъ самопожертвованія, самоотреченія личности въ пользу другихъ такихъ-же, равныхъ Ей личностей. Потому-то Богъ чаще всего именуется Богомъ *мира*, т. е. единогласія при различіи, единства при множественности. „Богъ, по мнѣнію Св. Григорія Богослова, не можетъ быть ни единицей, ни двоичей, а непременно долженъ быть Троицей, „чтобы не быть скуднымъ“, потому-что это „показывало бы не любообщительность“ (II, 180,—181), недостатокъ Любви. Любовь и Троичность, такимъ обр., понятія совершенно неотдѣлимая и другъ друга объясняющія. Непонятна любовь въ Богѣ, если нѣтъ Троичности, а съ другой стороны, непонятна и Троичность, если нѣтъ любви. Богъ есть Любовь, потому что Онъ есть Троица.

Любовь къ
ближнимъ
въ отношеніи
любви къ
Богу.

Но, будучи Троицей, Тройческой Любовью, Богъ не могъ уже предноситься сознанію человѣка въ качествѣ только предмета его личной любви, не могъ призывать человѣка къ общенію, къ союзу любви только съ Собою „*Бога, Егоже не видѣть, како можетъ любить*“ (I Ио. 4, 20.), а долженъ проявлять свою любовь въ отношеніи къ своимъ братіямъ. Какъ существо конечное, человѣкъ не можетъ быть равнымъ въ союзѣ съ Богомъ, поэтому и любовь человѣка не можетъ достигъ возможнаго ей подобія Любви Божественной, т. е. любви не только созерцающей и благодарящей, но и содѣйствующей, помогающей, — а въ этомъ послѣднемъ свойствѣ и проявляется съ особенной яркостію истинное существо Любви. Кто скажетъ своему

пуждающемуся брату или сестрѣ: „идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла: что пользы?“ (Іак. 2, 16.) Отсюда, чтобы быть подобной любви Божественной, человѣческая любовь должна избрать своимъ предметомъ такихъ же конечныхъ тварей, какъ и онъ самъ, и ради нихъ пожертвовать собой и ихъ считать неотъемлемой частію своего бытія. „Бога никто никогда не видѣлъ“, поэтому, и жертвовать собой въ пользу Него, т. е., помогая Ему, никто не можетъ. Уподобиться Ему мы можемъ, только любя братьевъ и жертвуя собой для нихъ. „Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любовь Его совершенна есть въ насъ (I Іоан. IV, 12). Поэтому и Спаситель въ отвѣтъ праведникамъ скажетъ: „истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это (т. е. дѣла любви) одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мѣ. XXV, 40), т. е. любя братьевъ и жертвуя собой для нихъ, человѣкъ выражаетъ тоже стремленіе къ Богу и подобіе съ Нимъ, какое выражается и въ его непосредственномъ стремленіи къ Богу, въ его любви благодарящей и созерцающей. Вотъ почему рядомъ съ заповѣдью о любви къ Богу въ Св. Писаніи и Преданіи всегда ставится тамъ и заповѣдь о любви къ ближнему, и при томъ такъ настоятельно, что отсутствіе этой послѣдней любви и служить *главнымъ* образомъ къ окончательному осужденію человѣка на послѣднемъ судѣ и рѣшительнымъ признакомъ отсутствія въ немъ истинной любви къ Богу. Кто говоритъ, что любить Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ и нѣтъ въ немъ истины“. „Кто говоритъ, что любить Господа, а на брата своего гнѣвается, тотъ подобенъ человѣку, которому снится, что онъ бѣжитъ“ (слова Св. І. Лѣствичника), т. е. говорящій такъ бесплодно фантазируетъ, обманывая и себя и другихъ.

Вслѣдствіе этого-же свойства истинной любви, вслѣдствіе невозможности для человѣка обнаружить свою любовь со всѣхъ ея сторонъ и во всей ея силѣ въ единичномъ общеніи съ Богомъ, Богъ и призываетъ человѣка къ причастію вѣчной жизни не одного. Въ это общеніе любви съ Богомъ, основанное на подобіи Ему, на святости, вступаетъ безчисленное множество личностей. Ангелы тоже стремятся къ Богу и тоже любятъ

Его и въ этой любви находятъ свое блаженство. Точно также и человѣку Богъ „сотворилъ помощника“, т. е. опредѣлилъ и ему достигать цѣли своего призванія не одному, а въ союзѣ и при помощи другихъ. Это открываетъ намъ еще одинъ признакъ вѣчной жизни, столь же существенный и необходимый, какъ и Богообщеніе. *„Мы знаемъ, говорить Св. Іоаннъ Богословъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: не любящій брата пребываетъ въ смерти. Всякій, ненавидящій брата своего, есть человекоубійца; а вы знаете, что никакой человекоубійца не имѣетъ жизни вѣчной въ немъ пребывающей (1 Іоан. III, 14—15).* Второй признакъ человѣка, живущаго вѣчной жизнью, и состоитъ, слѣдов., въ томъ, что онъ любитъ братьевъ, любитъ подобныхъ ему людей. Умѣстность и необходимость этого признака понятна сама собою. Если мы поставимъ на первый планъ только общность стремленій всего множества личностей, то и въ этомъ случаѣ необходимо придетъ къ ихъ, такъ сказать, метафизическому единству въ жизни вѣчной. Живя въ общеніи съ Единымъ Богомъ, мы необходимо должны быть и въ общеніи между собой, — Богъ является какъ бы связующимъ элементомъ между нами. Но подобное общеніе не будетъ еще жизнью и едва едва превосходить просто единство созерцанія, которымъ взаимообщеніе не всегда и необходимо предполагается. Не даетъ этой истинной общей жизни и одно подобосущіе всѣхъ тварей стремящихся къ Богу и соединенныхъ съ Нимъ. Это подобосущіе, конечно, составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ взаимообщенія, но этотъ фактъ не имѣетъ принудительной силы и поэтому способенъ дѣйствовать только въ качествѣ вспомогательнаго фактора при другомъ болѣе дѣйственномъ. Доказательства этому въ исторіи человѣчества, гдѣ единство природы, хотя и возглашалось постоянно, но не мѣшало тѣмъ не менѣе людямъ образовывать изъ себя отдѣльные союзы, взаимно враждебные и взаимно вредящіе, каковы, государства, и въ государствахъ — сословія, ассоціаціи и пр. Все дѣло въ томъ, въ чемъ это Богообщеніе и это подобосущіе. А это Богообщеніе, какъ мы видѣли, есть любовь къ Богу ради Него Самого, безъ всякой мысли о себѣ. Можно любить Бога, только

какъ свое высочайшее благо, только какъ конецъ своихъ стремлений. Такая любовь несомнѣнно сводитъ къ единству всѣхъ любящихъ и, так. обр., укрѣпляетъ два помянутые выше мотива любви, но и она не даетъ необходимо общеніе любящихъ, п. ч. связана съ мыслию о себѣ. Разъ достигнуто мое благо, этимъ заканчивается все,—я могу любить и своихъ единомышленниковъ, но только потому, что ихъ общеніе въ одномъ со мною благѣ не лишаетъ меня пользованія имъ, не уменьшаетъ моего блаженства. Очевидно, такая любовь къ братьямъ не есть любовь, а только не ненависть,—и причина, почему нѣтъ ненависти,—не во мнѣ и не въ моемъ настроеніи, а только въ безграничности, неисчерпаемости того блага, которымъ мы всѣ пользуемся, причина, слѣдовательно, только внѣшняя и, съ точки зрѣнія моего внутренняго настроенія, совершенно случайная. Не то будетъ, если мы Бога будемъ любить, какъ Личность, т. е. будемъ любить Его не для себя, а для Него Самого, потому-что такая любовь соединяется необходимо съ самопожертвованіемъ, съ отрицаніемъ эгоизма. Такая любовь, дѣйствительно, свяжетъ всѣхъ людей въ единый союзъ, во единый организмъ, потому-что критеріемъ моихъ отношеній къ нимъ служить не моя личность и не отношеніе ихъ къ ней, а отношеніе ихъ къ личности Божіей и ея къ нимъ. Любя Бога такой любовью, я буду любить и всѣхъ любящихъ Его и именно только за то одно, что они любятъ Бога, мною любимаго. Здѣсь получаетъ свое полное значеніе подобосущіе и, именно, потому, что оно есть подобіе, единство любви къ одному Богу и единство созерцанія. Съ другой стороны, любя Бога за то, что Онъ есть Любовь, восхищаясь Имъ, какъ Любовью, и въ этомъ находя свое блаженство, я не могу не переносить своей любви и на все то, куда направляется Любовь Божественная. „Безъ сумнѣнія, говоритъ Св. Тихонъ Задонскій, Богъ любитъ всякаго человѣка. Аще убо кто истинно любитъ Любящаго Бога, надобно ему любить и любимаго отъ Него человѣка“ (V, 217). И это потому—необходимый законъ, что любя Бога, какъ любовь, я необходимо уподобляюсь Ему, т. е. насколько для меня возможно, проникаюсь такой же безкорыстной, чуждой всякаго эгоизма, служащей ближнему любовью, какую я вижу въ Троицѣ. „Возлюб-

ленные! говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ, *будемъ любить другъ друга, потому-что любовь отъ Бога* (т. е. составляетъ Его естественную стихію, составляетъ существенное свойство Божественной жизни), *и вслкій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога* (т. е. уподобляется Богу и опытомъ познаетъ сладость жизни Божественной, переживаетъ въ себѣ то блаженство, къ которому мы стремимся). *Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому-что Богъ есть Любовь*“. Какая же это любовь? „*Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ* (безъ повода съ нашей стороны,—просто потому, что Онъ есть Любовь, что таковъ законъ Его Божественной жизни) *Онъ возлюбилъ насъ до самопожертвованія, потому-что „послалъ Сына Своего въ умилоствленіе за грѣхи наши“*. Отсюда выводъ: „*Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга*“ (1 Іоан. IV, 7—11). Восхищаясь Любовью Божественной, человѣкъ въ этомъ находитъ для себя побужденіе любить и другихъ людей. Это, конечно, потому, что любовь для него сама по себѣ вождельнна, что въ ней онъ находитъ свое копечное благо. Такимъ образомъ, если блаженство вѣчной жизни есть любовь къ Богу, или общеніе любви съ Нимъ и если эта любовь есть возникающее внутри человѣка *чувство*, безкорыстный восторгъ предъ Богомъ, то это блаженство необходимымъ признакомъ, обязательнымъ ингредиентомъ своимъ должно имѣть любовь къ ближнему, ко всякому тварному сознательному бытію, на которое только простирается любовь Божія, служащая въ этомъ случаѣ прототипомъ. Здѣсь не можетъ быть никакого различія, потому-что основаніемъ любви служить не само это бытіе, а Богъ, сама же Божественная, безкорыстная любовь. Любя Бога, уподобляясь Ему въ любви и, что главное, соединяясь съ нимъ „во единое раствореніе“ (говоря словами препод. Макарія Египетскаго), всѣ твари разумно-нравственныя необходимо и сами собою сливаются въ единый союзъ любви, необходимо живутъ одною общою жизнію. „Любовію, говоритъ препод. Ефремъ Сиринъ, изъ ангеловъ и человѣковъ содѣлано единое стадо“

(т. III, 278). Въ этомъ единеніи многихъ, которое достигается только при взаимномъ самопожертвованіи, при служеніи каждаго на пользу другихъ, изъ любви къ нимъ,— и заключается подобіе любви человѣческой любви Божественной. Итакъ, въ чемъ же существо жизни вѣчной? Христось сказалъ намъ, что эта жизнь есть познаніе Бога,— т. е. опытное постиженіе Его существа, чрезъ уподобленіе Ему. Что же теперъ значить „познать Бога“ въ указанномъ смыслѣ? Значить во многомъ познать единое, значить отождествить съ собою всѣхъ людей, всѣ разумно-нравственныя твари, постигнуть опытно, на дѣлѣ испытать ихъ нераздѣленность отъ нашего существа. Это возможно только при самопожертвованіи одного въ пользу многихъ, а результатъ и внѣшнее обнаруженіе этого въ томъ, что въ множествѣ личностей будетъ одно сердце и одна душа, будетъ одна одухотворяющая сила и одинъ законъ бытія— любовь,— всѣ они, такимъ образомъ необходимо составятъ единое, вѣчное царство любви, въ неразрывномъ союзѣ съ Трїединымъ Богомъ.

Такимъ образомъ, подводя итогъ всему сказанному о вѣчной жизни, мы получаемъ тотъ выводъ, что жизнь вѣчная есть жизнь въ *царствѣ*, т. е. союзѣ любви съ Богомъ и всѣми святыми, любящими Бога, и въ этой любви и состоитъ все наше блаженство, наше высшее благо.

Архимандритъ Сергій.
